

К ВОПРОСУ О КОНКРЕТИЗАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Суждение о том, что при переводе с английского языка на русский часто приходится прибегать к приему так называемой конкретизации, часто встречается в монографиях и учебных пособиях по переводу, в различных лекционных курсах. Это суждение, очевидно, отражает наблюдения и практику. Вместе с тем, следует заметить, что на данный момент не существует монографических исследований, специально посвященных данной актуальной проблеме. Хотелось бы остановиться на некоторых ее дискуссионных аспектах и наметить задачи, ждущие решения.

Термин «конкретизация» восходит к Я.И. Рецкеру [1], который говорит о конкретизации и генерализации в ряду основных переводческих лексических трансформаций и приводит ряд ярких, ставших хрестоматийными, примеров. А.Д. Швейцер [2] использует термины «гипонимическая» и «гиперонимическая замена», соответственно. Мы используем термин «конкретизация» как более традиционный.

Под конкретизацией, по Я.И. Рецкеру, понимается переводческое преобразование, при котором происходит замена общего частным, родового понятия видовым, в силу того, что «лексике русского языка свойственна большая конкретность, чем соответствующим лексическим единицам английского или французского языков» [1. С. 41]. Другими словами, в английском языке, по мнению исследователя, существуют лексические единицы, которые обладают большей абстрактностью, чем «соответствующие лексические единицы русского языка».

Начнем с очевидных, казалось бы, случаев. Рассмотрим известный пример Я.И. Рецкера [1. С. 42]. Существительное *mount*, согласно словарям, действительно, означает не только «конь под седлом», но и «лошадь, мул, верблюд и т.д. под седлом». Поэтому название картины в каталоге “*Napoleon on his mount visiting the plague stricken in the streets of Jaffa*” можно правильно перевести, только посмотрев на полотно. Переводчик же, пишет Я.И. Рецкер, попал впросак, заочно написав «Наполеон верхом на коне...», так как Наполеон восседал на верблюде¹. Но значит ли это, что не может быть в принципе каких-то русских лексических единиц, которые при переводе на английский язык «работали» бы аналогично? Например, слово «круп» означает, согласно словарю, «продукт питания, состоящий из цельных или дробленых зерен

¹ Возможно, вариант «Наполеон верхом» без уточнения, на ком именно – хороший выход. Но соответствие «*mount* – верхом» выходит за пределы одной части речи.

различных культур (Овсяная крупа. Гречневая крупа. Манная крупа.)» (метафорическое производное значение «снег в виде мелких шаровидных зернышек» мы здесь не рассматриваем). Прав ли был переводчик воспоминаний Н.Я. Мандельштам на английский?

На пристанционном базаре торговали ягодами, молоком и крупой, а мера была одна – стакан [3. С. 280].

...and in the market there the peasants sold berries, as well as milk and buckwheat for making kasha.

(Translated by Max Hayward) [4. P. 351].

Очевидно, в каком-то смысле прав. Если по-английски нет единого аналогичного понятия, выраженного в одном слове (более-менее регулярное соответствие grain for porridge тоже содержит элемент конкретизации, «для каши»), то почему бы не остановиться на еще более конкретном толковании, к тому же придающем национальный колорит. Но что если Мандельштамы питались не только гречкой, но и ячкой и пшеном? И разве нельзя, на основании десятка подобных примеров, высказать предположение о том, что «лексике английского языка свойственна большая конкретность, чем соответствующим лексическим единицам русского», и что конкретизация нередко требуется и при переводе с английского на русский?

Таким образом, первая задача состоит в том, чтобы применительно к этой паре языков установить те области тезаурусных сеток, где при переводе в одну, либо при переводе в другую сторону может требоваться конкретизация; далее следует определить, в каком из языков «абстрактных» областей больше, к каким спектрам частотности и общеупотребительности лексики относятся эти области; как обстоит дело с абстрактностью среди существительных и глаголов; только тогда можно будет с некоторой точностью ответить на вопрос, какой из двух языков в этом смысле «более конкретен». При этом речь идет об особой категории лексики, требующей конкретизации по логическим причинам (по причинам различий в организации тезауруса в том или ином языке), и, соответственно, о логической (тезаурусно-ориентированной) конкретизации (ср. «конкретизация значений» по Я.И. Рецкеру [1. С. 41-43]). Что же касается английской лексики, «конкретизирующейся» по-русски под влиянием контекста, эта категория должна, вероятно, рассматриваться отдельно.

Другая проблема носит методологический характер и состоит в том, что суждение о большей абстрактности английской лексики выносится безотносительно к категориям парадигматики и синтагматики (языка и речи), как это имеет место в приведенной выше формулировке Я.И.

Рецкера², или в известной формулировке В. Матезиуса, на которую нередко ссылаются: “Roughly speaking, words in a language with a synthetic structure (such as Czech) usually have a more definite meaning than words in a language with an analytical structure (such as English or French)... A word in English usually has a wider and thus a less definite meaning than the corresponding word in Czech”. [5. Р. 18] К аналитичности/синтетичности мы вернемся ниже, в связи с обсуждением широкозначной десемантизированной лексики. Но о каком значении в данной формулировке речь – о словарном или о контекстуальном? На первый взгляд, разграничение не настолько существенное, так как словарные значения (или варианты перевода в переводном словаре), в принципе, указываются на основе употребления (практики перевода). Однако можно ли утверждать, что в переводном словаре отражены все контекстуально возможные варианты значений/переводы того или иного слова?³ Если операция конкретизации в двух приведенных выше примерах вытекает из словарей и не требует обращения к контекстам, то в следующих двух примерах конкретизация носит преимущественно контекстуальный («засловарный») характер.

1) Some of the most memorable images from 1967’s “Six Day War” show Israeli soldiers, still in full military gear after their seizure of east Jerusalem from Jordan, praying at the last architectural remnant of the ancient temple, the Western or Wailing Wall. (*Из переводческой практики автора*)

Слово *image*, согласно БАРС имеет следующие значения: **1)** 1) изображение, особенно скульптурное изваяние; 2) фигура, статуя святого; 3) икона; **2)** изображение; отражение; **3)** подобие, копия; **4)** мысленный образ, мысленное представление; **5)** 1) *лит.* образ; 2) *стил.* образ, фигура речи; **6)** воплощение, символ, образец; **7)** *редк.* яркое описание, воспроизведение.

Между тем, в данном контексте его следует, очевидно, понимать и переводить как «фотоснимки» или «кадры кинохроники» и строить русское предложение вокруг этих слов.

2) Few serious collections begin with a fully realized thesis. No one wakes up one day and decides: “I think I’ll start a wine cellar and specialize in deep verticals of châteaux from the left bank of the Gironde!” Wine lovers grow into wine collectors, and education is a crucial part of the process. (*Из переводческой практики автора*)

Основные словарные дефиниции слова *education*: **1)** 1) образование; просвещение; обучение; 2) воспитание; **2)** образованность, культура; **3)** дрессировка (*животных*).

² «Соответствующие лексические единицы» – говорит автор, описывая конкретизацию в переводе, но о чем речь, неясно – о словарных единицах или о переводческих эквивалентах.

³ См. ниже цитируемое рассуждение И.Р. Гальперина.

В целом, правильное толкование слова связано с дефиницией 1) 1), но приведенные варианты значения-перевода превращают коллекционера вин, человека с достатком и запросами, в слишком «пассивный» объект. Более адекватный перевод мог бы звучать, например, так:

«Серьезная коллекция очень редко начинается с четкого осознания собственной «темы». Трудно представить, чтобы человек в один прекрасный день проснулся и решил: «Стану-ка я собирать вина. И специализироваться я буду, пожалуй, на глубоких исторических «срезах» вин chvteaux с левого берега Жиронды». Любители вин вырастают в коллекционеров, и важнейшую роль в этом играет любопытность, тяга к самообразованию».

Таким образом, как уже указывалось выше, нужно особо выделить категорию емкозначной английской лексики, получающей конкретизацию в контексте, и говорить в связи с ней о собственно *контекстуальной конкретизации*. Собственно контекстуальная конкретизация менее изучена. И если логическая конкретизация наиболее интересна с точки зрения парадигматической сопоставительной лингвистики, то собственно контекстуальная – прежде всего в плане изучения процессов перевода применительно к синтагматической цепочке (контексту)⁴.

Попытка четко разделить язык и речь, парадигматику и синтагматику, словарное и контекстуальное (применительно к целям лексикографического описания) была предпринята составителями БАРС. Вот как формулирует эту мысль И.Р. Гальперин в предисловии к словарю [6. С. 18]: «Смысловая структура слова, т.е. перечень всех его словарных значений, не исчерпывает возможностей, заложенных в слове. Некоторые оттенки значений слова выступают только в соответствующем контексте. Это так называемые контекстуальные значения. Такие значения не должны фиксироваться в словарях, т.к. они возникают в специфическом окружении и поэтому весьма неустойчивы и даже мимолетны. Они не могут входить в смысловую структуру слова и потому, что контекстуальное значение может иногда противоречить всем перечисленным значениям многозначного слова. Однако способность слов получать дополнительные значения в контексте широко используется в стиле языка художественной литературы, особенно в поэзии. Перевод примеров и иллюстраций на русский язык [в словаре] может подсказать возможные контекстуальные значения ключевого

⁴ Если же поставить вопрос о том, существуют ли случаи, когда исходное слово в русском языке более абстрактно, чем его английский контекстуальный перевод, то следует признать, что, возможно, число этих случаев значительно меньше, чем число случаев логической конкретизации при переводе с русского на английский. С точки зрения контекстуальной конкретизации, русский язык, действительно, представляется более конкретным. Впрочем, необходимы исследования, чтобы подтвердить или опровергнуть это.

слова, его, так сказать, потенциальные возможности. Но из этого вовсе не следует, что такие значения, т.е. значения, появившиеся в русском переводе, расширяют смысловую структуру английского слова». На первый взгляд, всё здесь логично. Однако следует заметить, что подобное рассуждение корректно, лишь если абстрагироваться от временной оси, от динамики развития языка. То, что И.Р. Гальперин называет «словарными значениями», или значениями, «входящими в смысловую структуру», на самом деле – тоже результат лексикографической обработки контекстов, но тех контекстов, которые осознаются в данной точке временной оси как типические; типическое означает «сейчас или раньше» (хотя «раньше» может наделяться пометой «устар.»). Тогда как «контекстуальные», «мимолетные», «потенциальные» значения в данной точке временной оси как типические не ощущаются. Но они могут таковыми стать, войти со временем в смысловую структуру; таким образом, «мимолетные» значения, в том числе связанные с дифференциацией и конкретизацией, существуют «сейчас и, возможно (потенциально), потом». Поэтому переводчик, в отличие от лексикографа, всегда действует в промежутке, в зазоре между «(переводным) словарем сегодняшнего дня» и «(переводным) словарем будущего». Это необходимо помнить и учитывать при переводе, а также при обучении переводу («Откуда вы взяли это значение? Ведь в словаре этого нет», – часто говорят растерянные студенты-переводчики). Таким образом, среди случаев контекстуальной конкретизации есть группа случаев, которые, возможно, станут типическими и впоследствии войдут в то, что лексикографы называют смысловой структурой.

Для осмысления многочисленных случаев контекстуальной конкретизации при переводе с английского на русский, возможно, представляло бы интерес обратиться к типологическим различиям этих языков, а также к вероятным отличиям в механизмах реализации контекстной семантики.

В связи с первым, интересным видится подход Р.Р. Николаевской, трактующей тенденции широкозначности в современном английском языке как нарастание – с отражением в семантической и синтаксической сферах – черт зрелого аналитизма: «...в английском языке происходит дальнейшее углубление аналитических тенденций за счет особого акцента на использовании широкозначных глаголов и существительных. Широкозначность связана с большим объемом выражаемого понятия и влечет за собой «бессодержательность» лексических значений слов, делая их удобным инструментом для выражения остаточных морфологических показателей, тем самым соблюдается основной принцип языка аналитического строя – принцип раздельного выражения лексических и грамматических значений. При этом проявляется системообразующая роль субституции в классах глаголов и

существительных, которая структурирует отношения внутри этих подмножеств, обуславливая вытеснение широкозначной лексикой слов с более «узкими» значениями» [7. С. 97-98]. В центре внимания исследовательницы оказываются такие известные широкозначные десемантизированные слова, как *pattern*, *affair*, *thing*, *do* и некоторые др. Если рассматривать их как некое идеальное ядро этой тенденции, то упомянутые выше полнзначные слова широкой семантики типа *image*, *education*, нуждающиеся в контекстной конкретизации при переводе, можно сказать, что они как бы втягиваются в тенденцию по принципу аналогии. Однако, на наш взгляд, всё же существует принципиальная разница, по крайней мере с точки зрения переводоведения, между случаями употребления десемантизированных слов, привязанных чаще всего к определенным синтаксическим моделям (эффект здесь довольно схож со «смысловым выветриванием» по У. Вейнрейху [8. С. 211-212]), и случаями употребления слов полной отвлеченной семантики с эффектом дальнейшего расширения и дифференциации значений в контексте, с соответствующей модификацией, по отношению к словарным значениям, в переводе. Р.Р. Николаевская, по-видимому, не проводит и различия между словами с «неопределенной емкостью значения» (типа *thing* и *do*) и словами полисемичными типа *girl* (см. приводимые ею примеры). Как нам кажется, с точки зрения переводоведения, в первом случае при переводе происходит своеобразное заполнение семантической пустоты, а во втором случае – простое снятие полисемии контекстом. Думается, что десемантизированные слова следует рассматривать как особую группу лексики и говорить об особой, типологически ориентированной конкретизации в узком, синтаксически связанном/устойчивом контексте.

Кстати, в связи со «смысловым выветриванием» глаголов типа *make*, используемых в составе некоторых лексико-грамматических моделей, у проблемы конкретизации возникает еще один интересный поворот. Рассмотрим, например, модель “*make a gesture of + abstract N expressing emotional state (attitude)*”. По-английски, как на это справедливо указывает Р.Р. Николаевская, в подобных случаях происходит семантическое разгружение глагола (предикативного смыслового ядра), с переносом знаменательного лексического значения на существительные; в данном случае *gesture* – слово достаточно абстрактное, и значение как бы «вытесняется» еще дальше, в следующий за ним вариативный элемент *abstract N*). По-русски же, в закономерных – как нам

представляется – переводческих соответствиях⁵, реализуемых чаще всего по модели «Конкретное наречие / «наречное» словосочетание, соответствующее семантике abstract N + конкретный глагол (+ факультативно: конкретное дополнение-существительное в творительном падеже (рукой, головой и др.))», конкретизация идет как раз по линии предикативного смыслового ядра, с сосредоточением в глаголе, а также в его факультативном правом (объектном) и, особенно, левом (определятельно-наречном) окружении. Заметим, что в действительности по-русски порядок следования компонентов модели может быть различным. Приведем несколько примеров из многих:

“Mrs. Quilp durst only make a gesture of entreaty.” [11] – «Миссис Квилп с безмолвной мольбой протянула к нему руки» [12. С.421].

“The old man made a gesture of resignation, though his rigid features still betrayed his obstinate adherence to a distrust, which he derived from a sort of hereditary contempt of his enemy, rather than from any present signs, which might warrant so uncharitable a feeling.” [13] – «Манроу развел руками, словно покоряясь неизбежности, хотя в его в его суровых чертах по-прежнему читалось недоверие, объяснявшееся скорее врожденным презрением к французам, чем какими-либо разумными основаниями, которые могли бы оправдать подобное чувство» [10. С. 182].⁶

Это наблюдение, во-первых, подчеркивает связь явления конкретизации с типологическими различиями английского и русского языков и, во-вторых, указывает на соответствующее перспективное направление исследований – изучение конкретизации в аспекте распределения смысла между частями пропозициональной структуры, выявление и сопоставление моделей, лежащих в основе закономерных лексико-грамматических соответствий по линии конкретизации.

Теперь обратимся к вероятным отличиям в механизмах реализации контекстной семантики в английском и русском языках. Расхожая мысль о большей конкретности русской лексики приобретает новый

⁵ Разумеется, возможны и варианты перевода со словом «жест», которые мы считаем а) менее частотными, б) обусловленными дополнительными факторами, которые нуждаются в дополнительном исследовании. Например, вариант перевода “made a gesture of acquiescence” [9] как «жестом выразил согласие» [10. С. 334], связан с подчеркиванием того, что «автор жеста», индеец, принципиально немногословен, а «конкретизировать» жест человека другой культуры переводчик не решает. Слово «жест» часто встречается в произведениях Ф.М. Достоевского; можно обратить внимание на дополнительные смысловые обертоны, выходящие за пределы чистой кинесики.

⁶ Возможна иная, более редкая модель: “make a gesture of + class N”, находящая русское соответствие в модели «конкретный знаменательный глагол X + соответствующая ему конкретная часть тела Y (наиболее вероятно, хотя и не обязательно «руки») + «как-сравнение» с существительным, обозначающим класс». Приведем пример: “The Swede made the gesture of a martyr.” (S. Crane, The Blue Hotel) [14] – «Швед раскинул руки жестом мученика». (Голубой отель. – пер. Н. Волжиной) [15. С. 253]. Важно, что конкретизация идет здесь также по линии предикативного смыслового ядра.

интересный поворот в свете следующего рассуждения У. Вейнрейха [8. С.210-211]: «...контекст в принципе позволяет снимать неоднозначность; существует и обратное явление, также весьма важное и встречающееся во всех языках: знаки способны предсказывать контекст. Крайний случай — это единицы, употребляемые только в одном сочетании: logan-обязательно предполагает -berry (loganberry 'логанова ягода' — гибрид малины с ежевикой), runcible обязательно предполагает spoon 'ложка', а shrift не употребляется без short: short shrift — небольшой промежуток времени между приговором и казнью. Не менее обычна и весьма ограниченная, хотя и не вполне уникальная сочетаемость. Так, слово addle 'тухлый, испорченный', хотя в его десигнате нет компонента 'яйцо' или 'голова', сочетается только с такими словами, как egg 'яйцо' <...> или head 'голова'(addle-headed 'пустоголовый'), brain 'мозг' или pate 'башка'. Точно так же to neigh 'ржать' предполагает в качестве подлежащего horse 'лошадь' и т.д. Подобные сочетания можно назвать фразеологизмами или клише. Если бы мы располагали соответствующим словарем, мы могли бы вычислить для данного языка коэффициент «плотности контекста», показывающий, насколько сильно действует контекст в плане снятия неоднозначностей и в какой степени развиты фразеологизмы. Весьма вероятно, что по всем языкам мира такой коэффициент будет колебаться вокруг некоторой средней величины (общей для всех языков); его следует вычислять в принципе так же, как определяется среднее количество информации на морфему или какой-либо другой знак». Привычные нам термины «фразеологизмы» и «клише» использованы здесь в ином, непривычном для нас значении. Возможно, в смысле, о котором говорит автор, правильнее было бы выразиться так: «взаимная связанность (в том числе дистантная) употребления слов и значений». Но введение понятия плотности контекста, коэффициент которой должен показывать, насколько сильно в том или ином языке контекст действует в плане снятия неоднозначностей и в какой степени распространена связанность (в том числе дистантная связанность) значений, представляется для построения теоретической модели контекстуальной конкретизации в переводе весьма актуальным. Модель могла бы основываться на следующих гипотетических положениях. В английском языке в целом плотность контекста (зависимость реализаций значений от контекста) выше, чем в русском, поэтому в английском нередко употребляются слова широкой словарной семантики, обретающие в контексте определенные, в том числе не всегда зафиксированные в словарях конкретные значения. Тогда как в русском плотность контекста ниже, контекст более «рыхл», зато слово в силу этого должно обладать большей самодостаточностью, — поэтому в переводе приходится применять прием конкретизации, употреблять гипонимические

семантические производные – слова конкретной семантики.⁷ Задачи будущих исследователей состоят в том, чтобы: а) сопоставить случаи конкретизации в переводе (переводные контексты) с аналогичными дискурсными контекстами оригинальных русских текстов и выявить тем самым различные группы слов английского языка, дающих обоснованную тенденцию к контекстуальной конкретизации в русском переводе; б) качественно соотнести тенденцию к переводческой конкретизации с чертами аналитизма/синтетизма двух этих языков, проявляющимися не только в лексической и синтаксической парадигмах, но и, как уже говорилось, в характере распределения смысла между элементами соответствующих синтагматических пропозициональных построений; в) сопоставить величину контекста, необходимого для семантической реализации в оригинале и в переводе.

Еще один, как нам кажется, важный аспект явления конкретизации связан с гипотезой о неопределенности перевода (*indeterminacy of translation*) У. Куэйна [16, 17, 18]. Конкретизируя «в соответствии с законами русского языка», переводчик не может гарантировать идентичность смысла; кроме того, конкретизация нередко сопровождается логическим развитием и смысловыми модуляциями, зависящими от индивидуальной переводческой манеры. Методологически важно, по-видимому, учитывать при конкретизации такую категорию, как инференция, т.е. внесение переводчиком в смысл интенционального компонента [19]. Стоит вспомнить, что Я.И. Рецкер проницательно писал об «экспрессивно-эмоциональной» конкретизации, когда «вместо стилистически нейтральных слов подлинника в переводе появляются экспрессивно окрашенные русские слова», обладающие заодно и «большей конкретностью»⁸ [1. С. 135], и «экспрессивно-прагматической» конкретизации, когда эмоциональная окраска сочетается с «логической основой» [там же. С. 141].

⁷ В примечании к цитируемой работе У. Венрейх приводит интересный пример, как кажется, подтверждающий нашу мысль, в отношении английского: «В Колумбийском университете был проведен следующий эксперимент. Семнадцати студентам-старшекурсникам было предложено указать соответствия между восемью английскими глаголами и их определениями, взятыми из общеупотребительного толкового словаря (и слегка видоизмененными с целью устранить слова-«подсказки»). Из 136 ответов только 54 (40%) оказались верными сразу; при повторном опросе, когда в определения были добавлены дополнительные контекстные указания, правильных ответов было 65% (89)» [8. С. 241]. Рискнем предположить, что в случае с примерами, взятыми из русского толкового словаря, русские студенты колебались бы меньше даже без предъявления дополнительных контекстуальных указаний. Интересно было бы провести аналогичный эксперимент для проверки этой гипотезы.

⁸ Также трудно здесь переоценить и принцип «экспрессивно-стилистического согласования» В.Г. Гака, сформулированный им для русского языка: «Выбор выразительного слова объясняется нередко выразительностью соседнего слова или более широкого контекста» [22. С.129].

Приведем лишь два примера, показывающих, каким благом может и должен быть в необходимых случаях переводческий «произвол».

Первый пример взят из рассказа Ф.С. Фицджеральда “Family in the wind” [20. С.260] («Семья на ветру», перевод М.Д. Литвиновой [21. С.342]): описание состояния человека, попавшего в торнадо.

First there was the sound, and he was part of the sound, so engulfed in it and possessed by it that he had no existence apart from it. It was not a collection of sounds, it was just Sound itself; a great screeching bow drawn across the cords of the universe. The sound and force were inseparable. The sound as well as the force held him to what he felt was the bank like a man crucified. Somewhere in this first moment his face, pinned sideways, saw his automobile make a little jump, spin halfway around and then go bobbing off over a field in a series of great helpless leaps. Then began the bombardment, the sound dividing its sustained cannon note into the cracks of gigantic machine gun. He was only half-conscious as he felt himself become part of one of those cracks, felt himself lifted away from the bank to tear through space, through a blinding, lacerating mass of twigs and branches, and then, for an incalculable time, he knew nothing at all.

Сначала был звук – Бэч слился с ним: звук поглотил его, растворил в себе; это был не аккорд, и чистейшего она Звук, сыгранный скрежещающим смычком на струнах вселенной. Звук и Сила были неотделимы друг от друга. Звук и Сила вместе пригвоздили его к откосу. В первый миг, когда лицо было повернуто в сторону, он увидал, как его автомобиль подскочил, встал поперек шоссе, съехал с обочины и запрыгал по полю, как огромная беспомощная лягушка. Звук внезапно взорвался, пушечный гул рассыпался пулеметной дробью. Теряя сознание, он ощутил себя дробинкой этого звука, успел почувствовать, как его подняло в воздух и понесло сквозь слепящее, раздирающее кожу сплетение сучьев и веток – и всё, больше он ничего не помнил.

Мы видим, как в переводе происходит образная конкретизация (с логическим развитием по-русски), столь нужная для создания зримой картинки в сознании русского читателя (ср. гипотетический более буквальный вариант: [автомобиль ... запрыгал по полю огромными беспомощными прыжками]). Пока нет реального существа, совершающего прыжки, русский читатель воспринимает описание действия с каким-то смутным недоумением; «реальным» же

существом-носителем признака прыганья в этой ситуации, если вдуматься, может быть только лягушка, – отсюда своеобразный психологический эффект читательского узнавания: «Ну конечно – как лягушка!» Нетривиальное переводческое решение опирается на интуицию и в конечном счете на знание дискурсивно-перцептивных законов своего языка.

Второй пример. В «Ярмарке тщеславия» есть сцена, когда герой возвращается домой к «больной» Бекки Шарп и застаёт ее с лордом Стайном.

He took out his door-key and let himself into the house. He could hear laughter in the upper rooms. He was in the ball-dress in which he had been captured the night before. He went silently up the stairs, leaning against the banisters at the stair-head. Nobody was stirring in the house besides: all the servants had been sent away. Rawdon heard laughter within - laughter and singing. Becky was singing a snatch of the song of the night before; a hoarse voice shouted, "Brava! Brava!" - it was Lord Steyne's.

Rawdon opened the door and went in. A little table with a dinner was laid out – and wine and plate. Steyne was hanging over the sofa on which Becky sate. The wretched woman was in a brilliant full toilette, her arms and all her fingers sparkling with bracelets and rings, and the brilliants on her breast which Steyne had given her. He had her hand in his, and was bowing over it to kiss it, when Becky started up with a faint scream as she caught sight of Rawdon's white face. At the next instant she tried a smile, a horrid smile, as if to welcome her husband; and Steyne rose up, grinding his teeth, pale, and with fury in his looks. [23]

Сказать «...был накрыт ужин с вином и столовым серебром» по-русски явно не достаточно. За внешней сухостью английской формы скрывается четкая, яркая, хотя и имплицитованная картинка, необходимая для того, чтобы читатель ярче представил психологическое состояние героя. Простая констатация по-русски такой картинки не дает.

Именно поэтому в переводе М. Дьяконова читаем: «(...) Родон открыл дверь и вошел. Маленький стол был накрыт для обеда – на нем поблескивало серебро и графины. (...)» [24. С. 614].

Впрочем, возможно, этот перевод всё же несколько скован. По-русски трудно вообразить, чтобы серебро и «графины» (способ конкретизации слова wine и, кстати, явно не пустые!) поблескивали “единым” блеском. Рискнем предложить еще один вариант, направленный на увеличение логичности и естественной живописности конкретизации:

«Родон открыл дверь и вошел. Маленький стол был накрыт для обеда: искрилось вино в бокалах, блестело столовое серебро».

На этом примере очевидна еще одна важная и большая тема, связанная с конкретизацией и ждущая своего исследования. Это степень подробности, развернутости, эксплицитности представления

денотативной ситуации в оригинале и в переводе. Конечно, здесь мы выходим за рамки собственно лексической конкретизации, поскольку в этом случае лексическая конкретизация (точнее, комплекс лексических конкретизаций) служит более глобальной задаче воссоздания структуры ситуативной номинации оригинала в переводе – средствами ПЯ, в соответствии с законами ПЯ.

Разумеется, данная статья не исчерпывает перечня возможных проблем и задач, касающихся конкретизации. Мы лишь пытались означить некоторые, на наш взгляд, наиболее актуальные.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

1. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. – М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.
2. Швейцер А.Д. Теория перевода/ Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
3. Мандельштам Н.Я. Воспоминания. – М.: Изд-во «Книга», 1989. – 480 с.
4. Mandelstam N. Hope Against Hope. A Memoir. (Translated by Max Hayward). – Penguin Books, Harmondsworth, Middlesex, 1975. – 526 p.
5. Mathesius V. A Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis. – Paris, 1975. – 228 p.
6. Гальперин И.Р. Введение // Большой англо-русский словарь. – М.: Русский язык, 1979. – С. 10-19.
7. Николаевская Р.Р. Проблема широкозначности и перевод // Перевод как когнитивная деятельность. – М.: 2003. – С. 83-99 (Вестник МГЛУ, вып. 480).
8. Вейнрейх У. О семантической структуре языка. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. V: Языковые универсалии. – М.: Прогресс, 1970. – С. 163-249.
9. Cooper, J.F. The Last of the Mohicans // P. 567 pp.Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature, P. 30048.
10. Купер, Дж. Ф. Последний из могикан, или Повесть о 1757 годе: Пер. П. Мелковой // Собр. соч. в семи томах. – Т. 4. – М.: Изд-во «Правда», 1982. – 399 с.
11. Dickens, Ch. The Old Curiosity Shop // P. 669 pp.Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature, P. 39992.
12. Диккенс, Ч. Лавка древностей: Пер. Н. Волжиной. – М.: Детская литература, 1980. – 624 с.
13. Cooper, J.F. The Last of the Mohicans // P. 310 pp.Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature, P. 29791.

14. *Crane, S. The Blue Hotel // Crane: Tales of Adventure, P. 254 pp. Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature, P. 33057.*

15. *Крейн, С. Голубой ОТЕЛЬ: Пер. Н. Волжиной // АЛЫЙ знак доблести. Рассказы. – М.–Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – С. 247–278.*

16. *Quine, W. On the Reasons for the Indeterminacy of Translation // Journal of Philosophy, 1970. – vol. 67. – P. 178–183.*

17. *Самсонов В.С. К анализу гипотезы Куайна о неопределенности перевода // Тетради переводчика. – Вып. 16. / Под ред. Л.С. Бархударова. – М.: Международные отношения, 1979. – С. 21–29.*

18. *Нечаев Л.Г. О неопределенности в переводе // Роль коммуникативной лингвистики в теории перевода и методике преподавания иностранных языков. – М., 1988. – С. 36-42 (Сборник научных трудов МГЛУ, вып. 323).*

19. *Псурцев Д.В. К проблеме перевода и интерпретации художественного текста: об одном критерии адекватности. // Перевод и дискурс. – М., 2002. – С. 16-26 (Вестник МГЛУ, вып. 463).*

20. *Fitzgerald F.S. Family in the Wind // Selected Short Stories. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – P. 253-272.*

21. *Фицджеральд Ф.С. Семья на ветру: Пер. М. Литвиновой // Избранные произведения в трех томах. Т. 3. Новеллы. Эссе. – М.: Художественная литература, 1977. – С. 335-353.*

22. *Гак В.Г. Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). – М.: Международные отношения, 1966. – 334 с.*

23. *Thackeray W.M. Vanity Fair, or A Novel without a Hero // P. 1023-1024 pp. Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature, P. 153515-153516.*

24. *Теккерей У.М. Ярмарка тщеславия. Роман без героя: Пер. М. Дьяконова // Собр. соч. в двенадцати томах. – Т. 4. – М.: Художественная литература, 1976. – 832 с.*